

УДК 821.512.37

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-3-110-120

Благопожелание чаю в лирике Михаила Ханинова

Р. М. Ханинова

Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста, Россия

✉ khaninova@bk.ru

Аннотация. Актуальность темы статьи определена малоизученностью жанра благопожелания (калм. йөрэл) в калмыцкой поэзии XX в. Жанр благопожелания как составная часть обрядовой поэзии представляет собой краткие и пространные стихотворные тексты, адресованные значимым событиям и явлениям в жизни человека и общества, произносимые речитативом. Со временем эти благопожелания стали существовать отдельно от обрядовых действий, наполняясь новым содержанием, но сохраняя в основном свою форму. Благопожелания-йорялы пище передают модель традиционного питания народа, определенного способом хозяйствования кочевников. Эта тема в калмыцкой поэзии редко становилась объектом и предметом исследования, что определяет проблему статьи. Целью данной статьи является изучение фольклорного аспекта благопожелания чаю в лирике Михаила Ханинова (1919–1981), задачи статьи: выявление стихотворений о калмыцком чае в его художественном наследии, анализ фольклорной традиции в таких текстах, новации поэта, определенные современной действительностью. Применение сравнительно-сопоставительного и историко-литературного методов способствует определению связи фольклорного жанра с авторским текстом поэта, выявлению синтеза жанров, творческой индивидуальности автора в литературном процессе. Фольклорная традиция благопожелания-йоряла калмыцкому чаю в лирике Михаила Ханинова представлена как по форме, так и по содержанию, сохраняя основные формулы, маркеры: восхваление чая как божественного напитка предков за его пользу, величание чая как главного подношения духам предков и богам, прославление чая как национальной пищи, символа гостеприимства, доброжелательства, благополучия и здоровья. Калмыцкий чай показан в его основных ингредиентах, передан в цвете, во вкусе, в движении. Заключительные строки стихотворений поэта завершаются благопожеланием хозяевам и гостям. Сравнение чая с аршаном, божественным напитком, с солнцем, конем выражает ментальность мироощущения степняков-кочевников. Исключение упоминаний божеств в стихах о чае обусловлено цензурными причинами. Соблюдение национального стихосложения (анафора, аллитерация и др.), с одной стороны, а с другой – заимствованная лестничная строфика являют традиции и новации в калмыцкой лирике XX в.

Ключевые слова: благопожелание, фольклорная традиция, калмыцкий чай, традиционная модель питания, калмыцкая поэзия XX в., русский перевод.

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проекта «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (№ госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Благопожелание чаю в лирике Михаила Ханинова. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №3. С. 110–120. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-3-110-120

The Benevolence of Tea in the Lyrics of Mikhail Honinov

R. M. Khaninova

Kalmyk Scientific Center of the RAS, Elista, Russian Federation

✉ khaninova@bk.ru

Abstract. The relevance of the topic of the article is determined by the little-studied genre of benevolence (Kalm. yoral) in the Kalmyk poetry of the twentieth century. The genre of benevolence as an integral part of ritual poetry is a short and lengthy poetic texts addressed to significant events and phenomena of human life and society, pronounced recitative. Over time, these benevolences began to exist separately from the ritual actions, being filled with new content, but retaining mostly their form. Benevolence-yoryals convey to food a model of the traditional nutrition of the people, determined by the way of managing nomads. This topic in the Kalmyk poetry of research has rarely become the object and subject of research, which determines the problem of the article. The purpose of this article is to study the folklore aspect of the benevolence of tea in the lyrics of Mikhail Honinov (1919-1981), the objectives of the article are to identify poems about Kalmyk tea in its artistic heritage, the analysis of folklore tradition in such texts, the poet's innovations determined by modern reality. The use of comparative and historical-literary methods contribute to the determination of the connection of the folklore genre with the author's text of the poet, the identification of the synthesis of genres, the creative individuality of the author in the literary process. The folklore tradition of benevolence-yoryala Kalmyk tea in the lyrics of Mikhail Honinov is presented both in form and content, preserving the basic formulas, markers: the praise of tea as the divine drink of the ancestors for its benefits, the glorification of tea as the main offering to the spirits of the ancestors and the gods, the glorification of tea as a national food, a symbol of hospitality, goodwill, well-being and health. Kalmyk tea is shown in its main ingredients, conveyed in color, taste, and movement. The final lines of the poet's poems end with benevolence to the hosts and guests. The comparison of tea with arshan, a divine drink, with the sun, a horse expresses the mentality of the worldview of steppe nomads. The exclusion of references to deities in verses about tea is due to censorship reasons. The observance of national versification (anaphora, alliteration, etc.), on the one hand, and on the other – the borrowed ladder stanza are traditions and innovations in the Kalmyk lyrics of the twentieth century.

Keywords: benevolence, folklore tradition, Kalmyk tea, traditional food model, Kalmyk poetry of the twentieth century, Russian translation.

The research is conducted in the framework of the state subsidies - the project "Universals and specifics of traditions of the Mongolian-speaking peoples through the prism of cross-cultural contacts and the system of relations between Russia, Mongolia and China" (State registration No.: 123021300198-4)

For citation: Khaninova R. M. The Benevolence of Tea in the Lyrics of Mikhail Honinov. 2023, Vol. 20, No. 3. Pp. 110–120. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-3-110-120

Введение

Изучение связи устного народного творчества и литературы способствует выявлению влияния фольклора на становление и развитие художественного творчества калмыцких писателей XX в., на формирование их индивидуальности, на синтез традиции и новации в воспроизведении картины мира. Особый интерес для нас представляет фольклорный

жанр благопожелания-йоряла (калм. йөрэл), сопровождавший жизнь человека от рождения до смерти, артикулировавший события его жизни, личной и общественной, в призме действий прежде всего календарной и семейной обрядовой поэзии, имевшей, по представлениям предков, магическое воздействие [1–2]. Йорял – краткое или пространное стихотворное высказывание, которое произносилось по любому значительному поводу с пожеланием благополучия, в той или иной форме оно запечатлено в фольклоре [3–7]. Среди благопожеланий пище («Хотын йөрэл» = «Благопожелание пище») [7, с. 59; 87] есть благопожелание чаю: «Цэһин йөрэл» [7, с. 16; 58; 135; 154].

Чай как главный национальный напиток нашел отражение в устном народном творчестве. «В калмыцких сказаниях, поговорках, пословицах говорится о том, что чай стал расти на земле благодаря ламе и молитвам» («Легенда о калмыцком чае») [6, с. 165]. Чаепитие сопровождало многие календарные и семейные обряды, ритуалы: подношение божествам, сватовство, свадьба, рождение ребенка, наречение имени, вхождение невестки в новую семью, перекочевка, новый дом, валяние войлока, проводы, похороны и др.

Благопожелания-йорялы пище передают модель традиционного питания народа, определенного способом хозяйствования кочевников. Цель данной статьи – изучение фольклорного аспекта благопожелания чаю в лирике Михаила Хонинова (1919–1981), задачи – выявление стихотворений о калмыцком чае в его художественном наследии, анализ фольклорной традиции в таких текстах, новации поэта, определенные современной действительностью, своеобразие русского перевода.

Актуальность исследования этого жанра в творчестве калмыцких поэтов определена малоизученностью данной темы. В калмыцкой поэзии XX в. стихи о калмыцком чае представлены в разных аспектах, в том числе в фольклорном. Так, в статьях Р. М. Ханиновой в этом плане рассмотрены стихи С. Бадмаева, И. Бадма-Халгаева, С. Байдыева, Т. Бембеева, А. Джимбиева, С. Каляева, В. Нурова, Б. Сангаджиевой, Э. Тепкенкиева, В. Шуграевой, М. Хонинова [8–10]. У калмыцких поэтов тема чая передает как традиционную модель национального питания, так и фольклорную традицию жанра благопожелания. Калмыки различают обычный чай (*калм.* цэ) и чай лучшего приготовления (*калм.* жомба). Названия стихотворений также отражают эту дифференциацию, часто с определением «хальмг цэ» – «калмыцкий чай».

Благопожелание чаю в лирике Михаила Хонинова

Творчество калмыцкого поэта, прозаика, драматурга, переводчика Михаила Ванькаевича Хонинова (1919–1981) характеризуется многожанровостью в поэзии, прозе, драматургии. Его литературный путь начался в 1935 г. стихотворением «Адуч» («Табунщик»). Художественное наследие представлено в полусотне книг, изданных на родном языке, на языках народов мира. Его творчеству посвящены исследования разных лет литературоведов страны. Участник Великой Отечественной войны, легендарный партизанский командир в Белоруссии (1942–1944), он автор романа «Чи медхмч, Смоленский һазр» («Помнишь, земля смоленская...», 1974), поэм «Ольсин эрг деер» («На берегу Ольсы», 1976), «Хатыня хоңхс» («Колокола Хатыни», 1980), повестей в стихах «Нина Рак – белоруск» («Нина Рак – белоруска», 1969), «Төрскнүрм бичэ хатн» («Не стреляйте в Родину мою», 1977) и др., стихотворений на тему войны и мира, дружбы народов. Среди его пьес историческая драма «Цаһан хаалһ» («Белый путь», 1959, в соавторстве с Б. Эрдниевым), адресованная 350-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в Российское государство. Он переводил на калмыцкий язык произведения русских, белорусских классиков, а также современных поэтов, в том числе якутского поэта Ивана Алексеева («Дун» = «Песня», 1962).

Поэзия Михаила Хонинова тесно связана с историей, культурой, обычаями родного народа. Как у многих калмыцких поэтов, есть упоминания о калмыцком чае в произведениях разных лет, а также стихи, посвященные любимому напитку, с включением

элемента благопожелания чаю: «Хальмг цэ уудгтан нарн...» («Солнце, пьющее калмыцкий чай...», 1966), «Мини хальмг цэ» («Мой калмыцкий чай», 1970), «Ундн-цээһим эдлит» («Отведайте мой напиток – чай», 1971), «Нарна амтнь – эмтэһнэрн йосн...» («Вкус солнца...», 1978). Несмотря на то, что в названиях или подзаголовках четырех стихотворений нет указания на жанр благопожелания, в той или иной степени они по содержанию и форме ему соответствуют, имея обычно маркер чая (калм. цэ) в названии. По сравнению с другими калмыцкими поэтами, создавшими одно-два стихотворения о главном национальном напитке, у М. Хонинова четыре текста с конкретной адресацией показывают постоянное внимание автора к данной тематике на протяжении длительного периода – с 1966 г. по 1978 г. Такие его стихи отличаются философской парадигмой, являющей взаимосвязь мировоззрения и мироощущения кочевников с миром природы, солярным культом.

Так, в первом философском стихотворении «Хальмг цэ уудгтан нарн...» («Солнце, пьющее калмыцкий чай...», 1966) поэт вспоминал, как с детства задавался вопросом, почему солнце красное («Нариг иигтлэн юунас уладгинь / Насн ахр меддго билэв»), и теперь ответил: «Тиигн гихнь, хальмг цэ уудгтан / Түүмр болтлан уладг бээж» [11, х. 50], т. е. красное, как огонь, потому что пьет калмыцкий чай. В первом переводе Н. Кутов, отвечая на этот вопрос, заявленный у него в названии «Отчего солнце красное», заключил: «Пьет калмыцкий чаёк, / Потому ведь / и красное» [12, с. 4]. Отметим, что у ленинградского переводчика вместо философского дискурса текст получил детскую направленность, исходя из включения уменьшительных форм существительных «солнышко» (четырежды), «окошко» (единожды), «чаёк» (единожды), между тем как в калмыцком языке нет таких уменьшительных форм (нарн = солнце, терз = окно, цэ = чай). В то же время переводчик использовал и полную форму существительного «чай» (дважды) с определением «калмыцкий» (дважды), с уточнением «с солью» (единожды).

В нашем переводе: «А я в детстве не знал, что оно / Чай калмыцкий так пьет и встречает / Красным цветом ойрата давно» [13, с. 29]. Жанр разговора, в данном случае с солнцем, переключается со стихотворением В. Маяковского «Необыкновенное приключение...» (1920) в сюжете приглашения солнца на чаепитие, в утверждении тождества обоюдного труда поэта и планеты на благо людей [10, с. 31–32].

Ср. в седьмой песне калмыцкого эпоса «Джангар» три мальчугана – Хара Джилган, Аля Шонхор и Хошун Улан – развели «костер / И заварили крепкий настой – / цвета сандала чай густой, / и, развернув навес над собой, / Улеглись в отрадной тени, / Растянулись, точно ремни, / И во сне раскраснелись они, / Как стволы деревьев суха» [5, с. 173]. «За мод түләд, / Зандн гидг цээһэн чанад, / Түмн өрк долгыта / Түүкэ улан чачран татад, / Сур мет сунад, / Суха мет улаһад...» [4, х. 116]. Суха (калм.) – тамариск. В «Указателе тем калмыцкой и синьцзын-ойратской версий эпоса “Джангар”» упоминается, как бумбайские богатыри, отдыхая в походе, разводят из саксаула костер, ставят на огонь сандалово-бронзовый котел, помешивая, варят крепкий ароматный красноватый чай, пьют его досыта, раскрасневшись, как тамариск, растянувшись, словно ремень, долго спят [14, с. 169–171]. Во время же богатырских пиров они употребляют арзу – молочную водку. Ср. у М. Хонинова использованы те же формулы: обильное питье (кастрюли маловато на двоих), солнце и человек за чаепитием раскраснелись, как тамариск: «Тиигвчн суха мет улаһад однавдн» [11, х. 50]. Солнце – тоже любитель калмыцкого чая: «Хальмг цээд басл дурта», приветчает людей: «цугтала мэндлнэ» («со всеми здороваются») [11, х. 50]. Мотив гостеприимства с угощением чаем, связанный с обязательным произнесением благопожелания этому напитку и гостям, передает в своей основе веру в магическую силу доброго слова, артикулируя пожелания мира, благополучия, здоровья, долголетия.

В другом философском стихотворении «Нарна амтнь – эмтэһнэрн йосн...» («Вкус солнца – по сладости...», 1978) визуальный компонент дополняется вкусовым, когда вкус солнца сравним не со вкусом меда, как считают некоторые поэты, а со вкусом кипящего

калмыцкого чая: «Нарна амтнь – эмтэхнэрн йосн / балын амтн гинэ зэрмнь. / Нанда болхла, нарна амтнь – / буслжах цээһин амтн» [15, х. 22]. Исключение концепта «сладкое» (мёд) определено тем, что калмыцкий чай готовят с солью. У М. Хонинова в одном ассоциативном ряду находятся солнце и чай, обусловленные их общим смыслом и значением для степняка. Характеристика чая в его метафизических категориях для кочевника геоцентрична и динамична. «Хальмг цээг халас haphn / халуһар самрад орххла: биилжәһәх / мет дуһрад көөс цахрна» [15, х. 22], т. е. «Когда калмыцкий чай, сняв с огня, горячим помешивают, то жидкость движется, точно танцор, не останавливаясь, вызывая пот» (здесь и далее наш смысловой перевод. – Р. Х.). И в чаше-пиале чай продолжает движение, словно взнузданный скакун: «Ааһ дүүргэд кеһэд орххла, / аман медсн мөрншц һаңхна» [15, х. 22]. В газетном варианте перевода А. Николаева «Говорят, вкус солнца – мед...»: «Не стоит на месте он, / Кружится в сосуде» [16, с. 15]. То же и в книжном варианте перевода под названием «Вкус солнца» [17, с. 127]. Здесь «кружение жидкости в сосуде и кружение планеты-солнца в суточном диапазоне (день-ночь)» сакрально в мировоззрении степняка. Свежеприготовленный чай ранее размешивали поварешкой много раз, обязательно слева направо – по ходу солнца, как совершали и многие действия в кочевом бытии, к примеру, подъезжали к кибитке, хурулу, дворцу с левой стороны. Специальной ложкой для разбрызгивания жертвоприношений – цацуром – первой порцией свежего чая кропили небо: это и кормление душ умерших, и подношение бурханам – божествам, Вечно Синему Небу, в котором главенствует Солнце» [10, с. 33]. Как известно, «в ритуале чайное питье предвывает обрядовое благопожелание, в котором чай сравнивается с аршаном – божественным напитком: следовательно, пьющий приобщается к сакральному. Вновь калмыцкий поэт солярное пространство уравнивает в микро- и макрокосме для человека, ибо любители этого напитка излучают “солнца жар / С ароматом чая”» [10, с. 33]. Калмыки называют себя «улан залата хальмг» («краснокисточные калмыки»), манифестируя цвет красной кисточки на шапке: это символ близости солнца и кочевника, почитание степняками светила. Автор заключает: «Миниһәр болхла, нарна амтнь – мана хальмг цээшц – таалмжта» [15, х. 22], т. е. «По-моему, вкус солнца, как у нашего калмыцкого чая, – приятен».

После газетного варианта стихотворение «Мини хальмг цэ» («Мой калмыцкий чай», 1970) [18, х. 4] опубликовано в книжном варианте под названием «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай») с той же рамкой: «Тюмень – 1970 ж.» («Тюмень – 1970 г.»). Место и время создания связано с участием поэта в Днях советской литературы в Тюменской области. В газетной публикации текст дан без строфики, в книжной – лесенкой, в каждой строке по два слова.

Чай был первым и главным угощением у кочевников, о чем говорит и калмыцкая пословица: «Цэ шингн болв идэни дееж, / Цаасн нимгн болв чигн номин көлгн болдг. Как ни жидок чай – первое угощение, / Как ни тонка бумага – основа книги» [3, с. 618]. Поэтому в гостях у сибиряков поэт в стихотворении показал процесс приготовления чая для хозяев. О том, как он развел бы костер из березовых поленьев, принес воды не из колодца, а из каждого сибирского озера, чтобы угостить всех добрых людей. Чай получился бы замечательным. Он понравился бы всему Советскому Союзу, всем людям, пьющим этот чай, поэт произнес бы благопожелание: «Цуг Союзд / цэм таасгдхм. / Цуг эмтн / уухларн йөрэхм» [19, х. 26]. Подчеркивая национальный характер пищи, автор указал на то, что чай он разлил бы в калмыцкие кленовые чаши-пиалы, чтобы досыта угостить любимых друзей: «Хальмгин агч / ааһс дүүргнэв, / Хээртэ үүрмүдән цадтлнь тоонав» [19, х. 26]. Стихотворение в русском переводе А. Смольникова с посвящением «Моим друзьям-тюменцам посвящаю» вначале появилось в газете «Ленинское знамя» под названием «Когда бы я чай вам калмыцкий варил...» [20, с. 3], а затем в «Литературной газете» под названием «Калмыцкий чай» [21, с. 3], наконец, в книжном варианте под тем же названием: «Когда бы я чай вам / калмыцкий варил, / Такой бы котел на огонь / взгромоздил, / чтоб все пиалы моей / южной земли / Мы чаем калмыцким / наполнить смогли» [22, с. 95].

Выделены ингредиенты национального напитка, перечислены густое, как сметана, молоко, соль, детализирован процесс помешивания чая до тех пор, пока он не станет густым, желтым, как степное солнце, в котле: «Өрм эдл / өткн үс / Харм хээснд / кех билэв. / Өвкнрин тэвж / йовсн давс / Хайад кесг / самрс гилэв. Тиигх дусм / цэм өткрэд / Теегин нарншн / хээсндэн шарлна» [19, х. 26–27]. Метафора усиливает колористику напитка, сравнение с сияющими девичьими щеками: «Болһас гиһэд / хэлэсн нүднд / Болверсн күүкнэ халхшн герлтнэ» [19, с. 26–27]. Ср. в переводе: «Я влил бы густого / в котел молока, / Приправил бы солью / на вкус степняка, / Окрасил бы солнечным / жарким лучом, / Чтоб солнце степное / искрилось бы в нем, / Как светится бронза / на смуглых щеках / У девушек наших / в калмыцких степях» [22, с. 96].

Мотив гостеприимства поддерживается упоминанием о том, что для калмыцкого чаепития поэт привез из Элисты посуду: «Эн хальмг / хотыг күргхд / Элстэс саван / авад һарлав» [19, х. 27]. Описание этой посуды отсылает к эпосу «Джангар», поскольку это широкая желтая фарфоровая чаша, которую могут поднять только семьдесят два человека: «Далн хойр / кун дамжлдг / Далһа шар / шаазңгта ирлэв» [19, х. 27]. Богатыри хана Джангара, посмеиваясь, выпивали из нее чай семьдесят один раз, поддерживая чашу большим пальцем и мизинцем: «Эзн Жаңһрахна / баатрмуд инэлджәһэд / Энүгәрн далн / негн дардм. / Эркэ чигчә / хойрарн дөңжәһэд / Эркн төр / күцән эдлдм» [19, х. 27]. Ср.: «шаазң – фарфор, фаянс; фарфоровый, фаянсовый; шаазң сав – фарфоровая посуда. <...> далн нег кун дамжлдг далһа шар шаазңгар далн нег дарад оркв Джангар он отпил подряд семьдесят один раз из большой желтой фарфоровой чашки, которую могли поднять семьдесят один человек» [23, с. 657]. Ср. у переводчика: «Я чай бы поднес вам / в такой пиале, / Как в старых легендах / на нашей земле, / Когда угощали батыров своих – / Соратников Джангра / в кибитках степных: / По семьдесят два человека несли / Ту чашу, сгибаясь до самой земли. / Но брал богатырь и легко осушал / и семьдесят раз ее вновь наполнял» [22, с. 96]. Казалось бы, в стихотворении калмыцкого поэта наблюдается несоответствие между первоначальным упоминанием калмыцких кленовых чаш-пиал и последующим описанием гигантской фарфоровой чаши, всей посуды, привезенной из Элисты. Между тем в фольклорной традиции подобного чаепития прослеживается связь литературы с устным народным творчеством, прием градации – от меньшего к большему, от частного к общему, от локального к глобальному. Приглашая тюменцев к чаепитию, поэт, вновь указывая на то, что чай с молоком, маслом, солью, уверен: «Таанрин / һар тас / Уйдхн уга, / чичрхн уга» [19, х. 28], т. е. ваша рука не согнется, на задрожит, принимая такую чашу-пиалу. Эта гиперболизация – всесоюзное чаепитие, гигантская чаша-пиала, физическая мощь сибиряков – опирается на авторское утверждение о пользе для здоровья калмыцкого чая, утоляющего жажду в зной и согревающего зимой: «Зунин цагт / мини цә / Зөңгсн, удассна / унд хәрүлдмн. / Даарсн, көрснд / мини цә / Дула өгч / цус әмдрүлдмн» [19, х. 28]. В конце стихотворения приглашение к чаепитию сибиряков уточняется пожеланием сесть в мирном кругу, отведавать напиток, ведь в этом калмыцком чае заключено материнское благословение: «Әдлтн, эн / цәһим, сивряхн, / Элвг дунһра / күцәд суутн. / Энүндтн – хальмгин / цуг сәэхнь / Әэжнрин заяснь / бәәнә, уутн!» [19, х. 28]. Таким образом, М. Хонинов соединяет собственное благопожелание с материнским, манифестируя личностное и универсальное в пожелании мира и благополучия, усиливая сказанное восклицательным знаком в конце строки. Ср. у переводчика: «Так пейте его / на здоровье – мой чай, / И счастливы будьте, / как счастливы ваш край!» [22, с. 97].

Тогда, в 1970 г., по условиям цензуры, М. Хонинов не мог провести параллель между сибирской ссылкой калмыцкого народа в годы сталинских репрессий (1943–1957) и своим пребыванием в Красноярском и Алтайском краях после демобилизации с фронта по национальному признаку, а потом и последующей политической реабилитацией калмыков, когда бывший спецпереселенец посетил сибирскую землю признанным

советским поэтом, когда он смог выразить свою признательность и благодарность сибирякам, помогавшим степнякам выжить и вернуться в родной край. В ссылке калмыки спасались от голода своим чаем, сохраняя традиции и произнося благопожелания-йорялы национальному напитку. Так, в контексте стихотворения тема чаепития перерастает в темы исторической памяти, дружбы народов, общей родины.

В названии другого стихотворения «Ундн-цээним эдлит» («Отведайте мой напиток – чай», 1971) звучит приглашение к чаепитию. Поэт соединил жанры восхваления (магтал) и благопожелания (йөрэл), воздав должное национальному напитку. Текст структурирован рефреном «А йир!», означающим: 1) эмоциональное междометие «а», 2) йир – очень, весьма, у переводчика как рефрен «Калмыцкий чай!». Глагольные формы передают процесс приготовления чая, церемонию угощения, заключительную благодарность хозяевам. «А йир! / сэнэр чансн / Агта, хальмг / цээг самрн / Ааһд кесинь / үзит, эвртә! / Алтн шар / нарни дүртә!» [24, х. 93] («Взгляните на хорошо сваренный густой, калмыцкий чай после помешивания, который разольют в пиалы, замечательный! Своим золотистым цветом напоминает солнце!»). Погода, прислушайтесь к его звучанию, чай как будто просит: «Отведайте меня»: «Агчмин зуур, / аньрин медит. “Авад эдлит” / гисэр сурна» [24, х. 93]. Автор вновь напомнил о пользе напитка, который во время жажды поможет, а во время голода станет опорой: «Цаһад ундаснд / ундн эн. / Цуцрад өлснд / өлгнй мөн» [24, х. 93]. Чай подобен аршану – божественному напитку («аршан мет»). А во время простуды он струится по жилам, как снег под солнцем. Поэтому снова налейте! «А йир! / дэһн кеһит!» [24, х. 93]. Когда в третий раз пиала наполнится чаем, исчезнет грусть: «Ааһ һурв / дүүрхлэ һундл / Уга гидг...» [24, х. 94]. Гость благодарит гостеприимных хозяев: «сән бээһит. / Ундн-цээһән / өгдг улс» [24, х. 94], т. е. «живите в благополучии, люди, угостившие чаем». Под названием «Ну и чай!..» текст перевел О. Шестинский [25, с. 25–26], заключив: «Поблагодари в степи калмыцкий дом: / Чай-то с маслом, / Чай-то с солью, / Чай-то с молоком!» [25, с. 26]. Конечно, это не одно и то же, поскольку у автора гость высказал благопожелание хозяевам, как полагается, а у переводчика – звучит только призыв к благодарности. Кроме того, есть произвольные вкрапления, не соответствующие оригиналу и ментальности (например, «джигит», «солнца ломоток», «в чашки чайные из чайника потек», «в тесном чайнике»), т. к. калмыцкий чай варят в кастрюле, а не заваривают в чайнике. В структурном отношении перевод также отличается от оригинала, имея двустилишия.

Ср. концовки в калмыцких йорялах чаю: «Өгсн улс өглһин эзн, / Мана уусн аршан болтха! / Йөрэл бүттхә!» [7, х. 16], т. е. «Пусть, хозяйева, наш выпитый чай станет подобным божественному напитку. Пусть исполнится благопожелание!». Или: «Өгчәх күн өглһнә эзн болж, / Уужах нанд аршан болж, / Иигж тосч-тәкжәх улс / Ут наста, бат кишгтә болж, / Олн көгшдүдин наснд күрч, / Орчлнгин хормад багтж йовхиг / Олн бурхд өршәх болтха!» [7, х. 58], т. е. «Пусть, угостивший хозяин, этот чай станет для меня аршаном, пусть такие гостеприимные люди живут долго, станут счастливыми, достигнув старческих лет, пусть будут всевышние милостивы к ним, поместившимся в подоле Вселенной».

Описание калмыцкого чая у поэта везде дано в одном из традиционных видов с использованием плиточного прессованного чая. Такой чай отражен в калмыцкой загадке: «Деерәс ирсн дерсн-хурсн, / Дорас ирсн элвг хар, / Өңгинь ясдг өл буурл, / Амтинь ясдг амр цаһан, / Тавинь хээдг тарһн шар. (Цә, усн, үсн, давсн, тосн). Сушеные листья и стебли, прибывшие сверху, / Обильное черное, прибывшее снизу, / Питательное белесое, придающее цвет, / Любимое белое, придающее вкус, / Жирное желтое, заботящееся об удовольствии. (Чай, вода, молоко, соль, масло)» [3, с. 748].

Все четыре стихотворения М. Хонинова о чае созданы, с одной стороны, в традиции калмыцкого стихосложения (прежде всего анафорическое построение – единоначатие), с использованием катренов, с другой стороны, отмечены влиянием русского

стихосложения (строфическая «лесенка»). Так, «Хальмг цэ уудгтан нарн...» («Солнце, пьющее калмыцкий чай») включает четыре катрена, организованных разными видами анафоры: в первом, третьем и четвертом катренах – это парная анафора. Например, в первом катрене («Өрүн / Өнгөхэд / Герт / Гем») единоначатие образовано с помощью аллитерации на «Ө» и повторения слогов (ге / ге), в третьем катрене еще присутствуют синтаксические конструкции, например: «Нарн тиниһэд / Нанд ханад»). Во втором катрене применена перекрестная анафора на согласные «х» и «т» (Хальмг / Толь / Хойрадмбидн / Тиигвчн). При этом конечная рифма не всегда соблюдается, например, во втором катрене (дурта / сорна / баһдна / однавдн), как и рифмовка, в целом перекрестная, но с отступлениями во втором и четвертом катренах. Столько же катренов в стихотворении «Нарна амтнь – эмтэхнэрн йосн...»), но здесь каждая строка включает по четыре слова. Все катрены, кроме первого, имеют парную анафору, в первом катрене дана перекрестная анафора (Нарна / балын / Нанд / буслжах). Конечная рифма и рифмовка – свободные.

В стихотворениях «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай») и «Ундн-цээһим эдлит» («Отведайте мой напиток-чай») использована лестничная структура. В этих текстах каждая строка включает по два слова, что тоже характерно для национального стихосложения, когда каждая строка имеет определенное количество слов на протяжении всего произведения. Здесь также применены разные виды анафоры: парная, перекрестная, сплошная. Например, сплошная: «Эдлтн / Элвг / Энүндтн / Ээжирин» («Хальмг цэ»). Первая половина другого стихотворения организована сплошной анафорой на гласную «а», вторая половина текста – парной анафорой на «а» и «ц», в заключение – парной анафорой на «у» («Уга / Ундн»).

Заметим, что эти особенности калмыцкого стихосложения трудно передаются переводчиками, поэтому русские переводы стихотворений калмыцких авторов обычно отличаются от оригинального текста.

Заключение

Рассмотрев репрезентативные примеры стихотворений М. Хонинова, адресованные калмыцкому чаю, заметим, что в четырех из них элементы жанра благопожелания представлены по-разному. В первом стихотворении, созданном в жанре разговора, приглашение лирическим субъектом солнца к себе на чаепитие отвечает традиции гостеприимства, передает мотивы удовольствия, заслуженного отдыха для последующей трудовой деятельности поэта и планеты, служащей людям, содержит фольклорные формулы (обильность питья, сравнение с тамариском). Во втором стихотворении вкус солнца, по мнению поэта, схож со вкусом калмыцкого чая, сравнение движения напитка во время помешивания в котле и во время питья из чаши с танцором, скакуном имеет сакральный характер, отсылая к ритуалу кропления во время различных обрядов. Солёный чай и солёный пот символизируют соль жизни и труда. В третьем стихотворении всеоюзное чаепитие на сибирской земле, во-первых, выражает эпический характер угощения, во-вторых, в контексте актуализирует историческую и личную память о сибирской ссылке калмыцкого народа (1943–1957), в-третьих, завершается благопожеланием хозяевам. В четвертом стихотворении автор соединяет жанры восхваления и благопожелания, сравнивая чай с аршаном (божественным напитком) и благодаря хозяев за угощение. Два стихотворения имеют сюжетную основу (чаепитие с солнцем, чаепитие с сибиряками), передавая ритуалы гостеприимства и приготовления пищи, в гендерном плане – мужчиной.

Таким образом, фольклорная традиция благопожелания-йоряла калмыцкому чаю в лирике Михаила Хонинова представлена как по форме, так и по содержанию, сохраняя основные формулы, маркеры: восхваление чая как божественного напитка предков за его пользу, величание чая как главного подношения духам предков и богам, прославление чая как национальной пищи, символа гостеприимства, доброжелательства, благополучия

и здоровья. Калмыцкий чай показан в его основных ингредиентах (молоко, масло, соль), передан в цвете (красный, золотистый), во вкусе (метафорический вкус солнца), в движении (кипение, помешивание при приготовлении, струение при питье). Заключительные строки стихотворений поэта – благопожелание хозяевам и гостям. Сравнение чая с аршаном, божественным напитком, с живительным солнцем, с конем выражает ментальность мироощущения степняков-кочевников, философию мировосприятия. Исключение упоминаний божеств (бурханов) в стихах М. Хонинова о чае обусловлено цензурными причинами (запрет на вероисповедание, атеистическая направленность публикаций). Соблюдение национального стихосложения (анафора, аллитерация, одинаковое количество слов в строке и др.), с одной стороны, а с другой – заимствованная лестничная строфика являют традиции и новации.

Л и т е р а т у р а

1. Борджанова, Т. Г. Магическая поэзия калмыков : исследование и материалы / Т. Г. Борджанова. – Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1999. – 182 с.
2. Хабунова, Е. Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия : исследование и материалы / Е. Э. Хабунова. – Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1998. – 224 с.
3. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Синьцзяна / составитель, перевод Б. Х. Тодаевой. – Элиста : Джангар, 2007. – 839 с.
4. Жаңһр : Хальмг баатрлг эпос. – Элст : Хальмг дегтр һарһач, 1990. – 287 с.
5. Джангар : Калмыцкий героический эпос / перевод с калмыцкого С. И. Липкина. – [5-е изд.]. – Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1989. – 363 с.
6. Мифы, легенды и предания калмыков. – Москва : Наука – Восточная литература, 2017. – 367 с.
7. Хальмг улсин йөрәлмүд (Калмыцкие народные благопожелания) / составитель, вступительная статья М. Э.-Г. Эрдни-Горяева. – Элиста : КИГИ РАН, 2010. – 160 с.
8. Ханинова, Р. М. Благопожелание чаю в калмыцкой лирике XX в. : фольклорный аспект / Р. М. Ханинова // *Oriental Studies*. 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 428–443.
9. Ханинова, Р. М. Семиотико-культурологический концепт еды в восточном дискурсе : чай и чигян в творчестве Михаила Хонинова / Р. М. Ханинова // *Юг России : взаимодействие народов и культур : сборник научных статей*. – Элиста : Джангар, 2005. – С. 129–140.
10. Ханинова, Р. М. Разговор с солнцем в лирике Владимира Маяковского, Давида Кугультинова и Михаила Хонинова / Р. М. Ханинова // *Художественный мир Давида Кугультинова : сборник научных трудов*. – Элиста : Издательство Калмыцкого университета, 2009. – С. 24–35.
11. Хоньна, М. Хальмг цә уудгтан нарн / М. Хоньна // Хоньна М. Цаһан-Нуурин айсмуд: шүлгүд. – Элст : Хальмг дегтр һарһач, 1966. – С. 50.
12. Хонинов, М. Отчего солнце красное / М. Хонинов // *Сцяг Саветаў*. – 1967. – 17 кастрычніка. – С. 4.
13. Хонинов, М. Солнце, пьющее калмыцкий чай / М. Хонинов // *Вестник Калмыцкого университета*. 2009. – № 7. – С. 29.
14. Селеева, Ц. Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар» / Ц. Б. Селеева. – Элиста : КИГИ РАН, 2013. – 276 с.
15. Хоньна, М. «Нарна амтнь – әмтәхнәрн йосн...» / М. Хоньна // Хоньна М. Төрскнүрм бичә хатн: шүлгүд болн шүлгәр бичсн түүк. – Элст : Хальмг дегтр һарһач, 1978. – С. 22.
16. Хонинов, М. «Говорят, вкус солнца – мед...» / М. Хонинов // *Литературная Россия*. – 1979. – 7 сентября. – С. 15.
17. Хонинов, М. Вкус солнца / М. Хонинов // Хонинов М. В. // *Орлица : стихи и поэмы*. – Москва : Современник, 1981. – С. 127.
18. Хоньна, М. Мини хальмг цә / М. Хоньна // *Хальмг үнн*. – 1970. – Сентябрь 19. – С. 4.
19. Хоньна, М. Хальмг цә / М. Хоньна // Хоньна М. Эрәсән тенгр дор: шүлгүд болн поэм. – Элст : Хальмг дегтр һарһач, 1971. – С. 26–28.
20. Хонинов, М. «Когда бы я чай вам калмыцкий варил...» / М. Хонинов // *Ленинское знамя*.

– 1970. – 30 июля. – С. 3.

21. Хонинов, М. Калмыцкий чай / М. Хонинов // Литературная газета. – 1970. – 5 августа. – С. 3.

22. Хонинов, М. Калмыцкий чай / М. Хонинов // Все начинается с дороги : стихи и поэмы. – Москва : Современник, 1972. – С. 95–97.

23. Калмыцко-русский словарь / под редакцией Б. Д. Муниева. – Москва : Русский язык, 1977. – 768 с.

24. Хоньна, М. Ундн-цээhim эдлит / М. Хоньна // Хоньна М. Эрэсэн тенгр дор: шүлгүд болн поэм. – Элст : Хальмг дегтр харһач, 1971. – С. 93–94.

25. Хонинов, М. Ну и чай!.. / М. Хонинов // Хонинов М. В. // Орлы над степью : стихи. – Москва : Советский писатель, 1974. – С. 25–26.

References

1. Borjanova, T. G. (1999). *Magical poetry of the Kalmyks: research and materials*. Elista: Kalmyk Book Publishing House. (in Russian)
2. Khabunova, E. E. (1998). *Kalmyk wedding ritual poetry: research and materials*. Elista : Kalmyk Book Publishing House. (in Russian)
3. Todaeva, B.N. (2007). *Proverbs, sayings and riddles of the Kalmyks of Russia and the Oirats of Xinjiang*. Elista: Dzhangar. (in Russian)
4. Dzhangar: Halmg baatrlg epos. – Elista : Halmg degtr harhach, 1990.
5. Dzhangar: Kalmyk Heroic Epic / translated from Kalmyk by S. I. Lipkin. – [5th ed.]. (1989). Elista: Kalmyk Book Publishing House.
6. Myths, legends and legends of the Kalmyks. (2017). Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura,
7. Halmg ulsin yeralmud (Kalmyk folk good wishes). 2010. Elista: KIGI RAS. (in Russian)
8. Khaninova, R. M. (2023). The benevolence of tea in the Kalmyk lyrics of the twentieth century: folklore aspect. *Oriental Studies*, 2 (16), pp. 428-443. (in Russian)
9. Khaninova, R. M. Semiotic-culturological concept of food in Eastern discourse: tea and chigyan in the works of Mikhail Honinov / R. M. Khaninov // *South of Russia: interaction of peoples and cultures*. Collection of scientific articles. – Elista : Dzhangar, 2005. – pp. 129-140. (in Russian)
10. Khaninova, R. M. (2009). Conversation with the sun in the lyrics of Vladimir Mayakovsky, David Kugultinov and Mikhail Honinov. In: *The Artistic world of David Kugultinov: a collection of scientific papers*. Elista : Kalmyk University Press, pp. 24-35. (in Russian)
11. Honna, M. (1966). Halmg ca uudgtan narn. Honna M. Cahan-Nuurin aismud: shulgud. – Elst : Halmg degtr harhach.
12. Honinov, M. (1967). Why the sun is red. *Scyag Savetay*.
13. Honinov, M. (2009). The sun drinking Kalmyk tea. *Bulletin of the Kalmyk University*, No. 7, – p. 29. (in Russian)
14. Seleeva, Ts. (2023). Index of the Kalmyk and Xinjiang-Oirat versions of the epic "Dzhangar". – Elista: KIGI RAS (in Russian)
15. Honna, M. (1978). "Narna amtn – amtahnarn yosn..."Trsknurm bich khatn: shulgud boln shulgar bichsn tuk. Elsta: Halmg degtr harhac .
16. Honinov, M. (1979). "They say the taste of the sun is honey...". *Literary Russia*, September 7. – p. 15.
17. Honinov, M. (1981). The taste of the sun. Moscow : Sovremennik.
18. Honna, M. (1970). Mini halmg ca. Halmg unn, September 19.
19. Honna, M. (1971). Halmg tsa. Arasan tengr dor: shulgud boln poem. – Elista: Halmg degtr harhach, pp. 26-28.
20. Honinov, M. (1970). When would I cook you Kalmyk tea... *Lenin banner*. July 30, p. 3.
21. Honinov, M. (1970). Kalmyk tea. *Literaturnaya gazeta*. August 5, p. 3.
22. Honinov, M. Kalmyk tea (1972). Everything starts from the road: poems and poems. Moscow : Sovremennik, pp. 95–97.
23. Kalmyk-Russian dictionary / edited by B. D. Muniev. – Moscow : Russian Language, 1977. – 768 p.
24. Honna, M. (1971). Undn-tsahim edlit. Arasan tengr dor: shulgud boln poem. – Elst : Halmg degtr harhach, 1971. – Pp. 93–94.

25. Honinov, M. (1974). Well and tea!.. Eagles over the steppe : poems. Moscow : Soviet Writer, pp. 25–26.

ХАНИНОВА Римма Михайловна – д. филол. н., доцент, в. н. с., зав. отделом фольклора и литературы, ФГБУН «Калмыцкий научный центр Российской академии наук».

E-mail: khaninova@bk.ru

KHANINOVA Rimma Mikhailovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Head of Department of Folk Studies and Literature, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.